

В. С. ИКОННИКОВ

Арсений Мацеевич

Историко-биографический очерк

<...> В царств. Петра III и в начале царств. Екатерины II имущественные права церкви потерпели весьма важные ограничения, отчего должен был существенно измениться и самый характер церковного управления. Черты этих, последовательно сменявшихся, порядков как нельзя лучше обрисовываются в типической личности одного из защитников этих прав: мы разумеем Арсения Мацеевича...

<...> Есть указание, что Арсений Мацеевич посылал от себя протест против распоряжений Петра III, который привел будто бы императора «в великий азарт», но решения по этому делу постановлено не было*. По другому же известию, Димитрий Сеченов за свой протест был удален, однако вскоре опять возвращен на свое место, из страха перед народным неудовольствием**. Подобные факты не могли быть забыты, когда переворот совершился.

В приговоре нового правительства прежнему порядку на первом плане стояли обвинения за нарушение церковных уставов. «Закон наш православный греческий переее всего восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных, так что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась последней своей опасности переменою древнего в России православия и принятием иноверного закона»***, — читаем в манифесте, составленном Тепловым по прибытии Екатерины II

* Материалы об Арсении Мацеевиче см. в «Чтениях Московского Общества Истории» 1862 г., II, 18. Впрочем, это известие, как увидим ниже, не подтверждается.

** *Castera*. Histoire de Catherine II. T. II. P. 278.

*** ПСЗ, № 11582.

в Петербург; а спустя неделю был объявлен в Сенате новый обвинительный манифест, в котором заявлялось, что Петр III «коснулся перво всего древнее православие в народе искоренять своим самовластием, оставив своею персоною церковь Божию и моление, так что когда добросовестные из его подданных, видя его иконам непоклонение и к церковным обрядам презрение или паче ругательство, приходя в соблазн, дерзнули ему о том напомануть, с подобострастием в осторожность, — то едва могли избежать тех следствий, которые от самовольного, необузданного и никакому человеческому суду не подлежащего властителя произойти бы могли. Потом начал помышлять и о разорении самых церквей...» * В промежутке этих двух заявлений, Екатерина распорядилась уже, чтобы Сенат имел рассуждение о духовенстве, как бы ему учинить «удовольствие к его содержанию». Но духовенство, не дожидаясь какого-нибудь неопределенного решения, поспешило само подать прошение об отдаче ему во владение вотчин, а императрица передала это прошение (5 июля) на обсуждение Сената, с тем, чтобы последний представил ей по настоящему делу свое мнение. Затем, 9 июля 1762 г., Екатерина повелела распечатать домовые церкви, закрытые в предшествовавшее царствование¹.

Чтобы оценить впечатление, произведенное на духовенство первыми действиями Екатерины, нам необходимо снова обратиться к переписке уже известных нам духовных лиц. Так, узнав о перемене в судьбе бывшего Елисаветинского канцлера, графа А. П. Бестужева-Рюмина, призванного к участию в государственных делах, Арсений Матеевич поспешил (12 июля) написать ему о деле, столь интересовавшем духовную иерархию. «Не надлежало бы мне утруждать теперь ваше высокографское сиятельство просьбою, — пишет он, — однако крайняя нужда влечет, яко за отобранием ныне от дома архиерейского и от монастыря вотчин, приходится с голоду умирать, понеже хлеб у нас весь был по вотчинам в житницах, а при себе, в самом доме архиерейском, не держан, кроме как только на пищу молотый. А как указ застиг, то воевода ростовский тотчас по всем вотчинам житницы опечатал, и скот, и птицы описавши, в свою команду взял, оставив меня со всем духовенством и мирскими служителями без пропитания, и не только будет есть нечего, когда смолотое и лежавшее в сушилах приедем, но и литургии

* Собрание манифестов и указов Екатерины II 1762—1763 гг., изд. при Сенате, в 1764 г. весьма редкое издание. (Есть экз. у. М. И. Семеновского.)

святой служить нечем и некому — все принуждены идти с нищими в мир. Всепокорно прошу показать милость к домам Божиим, дабы стараньем вашим возвращены вотчины были по-прежнему. Лошадей хотя малое число очень оставлено у нас, да и тех будет нечем кормить: не жаль того, что лошади у нас, все, с кобылицами и малыми жеребятами, нарочным полковником, из военной коллегии присланным, отобраны и в Петербург сведены, только жаль того, что завод, отчасти славный в государстве, совсем переведен и от нас не в прислугу высокомонаршей власти, но как бы за вину нечто конфискованное отобрано».

Но и в этом случае сказалось больное место Арсения, не раз боровшегося против воевод в Сибири и не ладившего с ними в Ростове. Обращаясь с таким важным ходатайством к Бестужеву, он спешил принести при этом и свою личную просьбу: «В Ростове у нас воеводою надворный советник Петр Протасьев: не возможно ли постараться его отсюда переменить»*.

И переписка между русскими иерархами за это время, как видно, оживилась. Почти одновременно с этим письмом Арсений успел уже получить письмо от своего друга Крутицкого (бывшего Переяславского) архиепископа Амвросия (от 15 июля 1762 г.) следующего содержания: «За отеческое ваше писание много благодарствую, от усердия моего поздравляю общею радостью со вступлением ее величества на всероссийский престол. Слава Богу, что мы все от мысленного ига избавление получили, а теперь, как из манифеста изволите усмотреть, к сентябрю месяцу просим и ваше преосвященство к нам в Москву пожаловать и нам о известном деле помогать, а паче в богоугодных своих к Богу молитвах о том напомним, которым и самого себя препоручаю»**. Письмо митрополита Тимофея, с выражением надежды на скорую перемену в их общем деле, нам уже известно. Так как в сентябре должна была совершиться коронация Екатерины в Москве, то этим объясняется и назначенный Амвросием термин с приглашением Арсения принять участие в общем совещании. Пока же представители иерархии не замедлили открыто заявить свое сочувствие вступлению Екатерины II на престол. Димитрий Сеченов, первенствующий член Синода, приглашал ее воссесть на престол предков, как «защитницу отечества и благочестия». «...Видела, — говорил он далее, — мать свою — св. церковь бедствующую и озлобляемую, восхотела от

* В государственном архиве. Напечатано в «Дне» (1862. № 16. С. 3, статья Соловьева) и в «Истории России» (Т. XXV. С. 146—147).

** День. 1864. № 39. С. 8, сообщ. Н-в.

страха и вредных перемен избавить; не допустила отечеству прийти в наглое расхищение, в горесть и воздыхание; не дала России быть от супостатов в посмех, в стыд и поношение». По его словам, одно сожаление о страждущих церкви и отечестве побудило Екатерину на такой подвиг; и на медалях, выбитых в честь этого торжества, были сделаны изображения, символически представлявшие избавление «православия и отечества» от угрожавших им бедствий с многозначительною надписью: «За спасение веры и отечества» *.

Екатерина платила духовенству тою же монетою. Сохранилась весьма интересная записка ее (за время пребывания в Москве) к секретарю Елагину о недозволении на придворной сцене представлений языческого характера, как противных христианской нравственности. «Россия, — пишет она, — быв просвещена святым крещением, тому слишком 1000 лет назад (sic), не может в XVIII веке приносить, и то еще в доме ее благочестивые императрицы, жертвы богам римской республики, которых она не знала, быв погружена и в идолопоклонничество. Я, когда сюжеты вообще суть того века, когда идолам приносили жертвы, страдаю всегда, видя то на театре, хотя иногда для костюма того избегнуть не можно. И того ради я желаю, чтобы пролог весь («непостижимость судьбы») был оставлен» **. Такой отзыв императрицы о языческих представлениях, с юных лет воспитывавшейся на Вольтере, получает в наших глазах особенное значение. Действительно, когда, вскоре по восшествии на престол Екатерины, рассматривалось в Сенате дело о допущении в Россию евреев, и все сенаторы были согласны на это, за исключением князя Одоевского, напомнившего императрице резолюцию императрицы Елисаветы («от врагов христовых не желаю интересной прибыли»), то Екатерина, как она сама рассказывает, «затруднилась, по тогдашним обстоятельствам, изъяснить свое согласие», а распорядилась отложить самое дело ***. «Надо заметить, — пишет она, — что еще не прошло недели со вступления на престол Екатерины; она возведена была на оный для обороны православного закона; ей приходилось иметь дело с народом благочестивым, с духовенством, которому еще не возвращены были его имения, и которое, вследствие этой дурно

* Соловьев. Т. XXV. С. 157—160.

** Сборник ИРИО. Т. VII. С. 156.

*** ПСЗ, XI, № 8840. Первое дозволение евреям селиться в России, и при том только в Новороссийском крае, было дано 16-го ноября 1769 г. (ПСЗ, № 13383).

приноровленной меры, не знало, чем ему пробавляться. Умы, как всегда случается после переворота, столь великого, находились в сильном волнении. Начать свое царствование допущением евреев — вовсе не было средством к успокоению умов, объявить его вредным — было тоже невозможно... Так-то не редко случается, что недостаточно быть просвещенну, иметь наилучшие намерения и даже власть исполнить их. И тем не менее умное поведение часто подвергается безрассудным толкам» *. Точно так же, спустя некоторое время (6 сентября 1763), она обратила внимание на появление в обществе соблазнительных книг. «Слышно, — писала она, — что в академии наук продают такие книги, которые против закона, доброго нрава, нас самих и российской нации, которые во всем свете запрещены, как например, Эмиль Руссо, Мемории Петра III, письма жидовские по французскому и много подобных», и под страхом конфискации их она запретила продажу подобных книг, причем поручила цензуру книг, выписываемых из-за границы, Академии наук и московскому университету **.

Но при вступлении на престол Екатерины II ее политические идеалы уже вполне сложились. Вот что писала она в одной из своих записок, относящейся еще к предшествовавшему времени: «Не следует делать ничего без правил и разума, ни руководить себя предрассудками; уважать веру, но никак не давать ей влияние на государственные дела; изгонять из совета все, что отзывается фанатизмом, и извлекать, по возможности, пользу из всякого положения для блага общественного — это есть основание китайской империи, самой прочной из всех известных в свете» ***. «Я часто читала, — говорит она далее, — что прежде в католических странах многие из светских владели церковными доходами. Я удивляюсь, что государи были довольно дурными политиками, допустив уничтожение этого обычая соборами». Но та школа, которую ей пришлось пройти при дворе Елисаветы Петровны, приучила Екатерину к известной сдержанности в отношениях, которой она охотно подчинялась вопреки собственным желаниям. Рассудочное направление ума Екатерины как нельзя более гармонизировало с этою необходимостью применяться к данному положению вещей и сдерживало слишком смелые порывы ее фантазии. «Счастлив тот, —

* Русский архив. 1865. Рассказ Екатерины II о своем царствовании. С. 492—494.

** Сборник ИРИО. Т. VII. С. 318.

*** Ссылка на политическую историю Бальфельда. Т. II. Гл. 15. С. 311; Сборник ИРИО. Т. VII. С. 97—98.

замечает она в той же записке, — кто не допускает себя увлечь в этом вихре». Она рано привыкла не доверяться людям и в то же время поддерживать в них уверенность в ее расположениях. «Поздравляю себя с рождающеюся милостью ко мне, но я должна в ней сомневаться, несмотря на уверения и подарки, которые будут мне делать. Однако, это не должно мне мешать действовать так, как будто я считала эту милость за действительную... Я слишком молода, чтобы сделаться любимицею, но я должна делать так, как будто думаю быть таковою». Свой политический идеал она охарактеризовала в тех же набросках следующим образом: «Снисходительность, примирительный дух властителя сделают более, чем миллионы законов, а политическая свобода дает душу всему. Часто лучше вдохновлять к преобразованиям, чем приказывать о них»*. Между тем как Петр III, даже во время погребения императрицы Елисаветы, не мог сдержать своего обычного настроения духа, Екатерина обращала на себя общее внимание строгим выполнением установленного ритуала, а мы видели уже, как строго соблюдала она предписания церкви. Но, спустя несколько лет, она писала уже г-же Жоффрен: «В молодости я также по временам предавалась богомольству и была окружена богомольцами и ханжами; несколько лет тому назад (т. е. при Елисавете), нужно было быть или тем или другим, чтобы быть в известной степени на виду (не думайте, однако, что я была в числе этих последних: я никогда не лицемерила и ненавижу этот порок). Теперь богомолен только тот, кто хочет быть богомольным; никому не мешают действовать как угодно» (от 15 января 1766 г.)**.

Таким образом, понятия о власти уже вполне созрели у Екатерины задолго до того, когда ей пришлось самой властвовать... По вступлении на престол, она величала себя, в письмах к Вольтеру, «главою греческой церкви», которой духовная власть должна подчиниться безусловно. Этот взгляд вполне гармонировал с философскими воззрениями XVIII века, проповедовавшего просвещенный деспотизм там, где возникла борьба с церковью и средневековыми преданиями. С другой стороны, развязка вопроса о монастырских имуществвах при Екатерине II лучше всего показывает, как далека была она от того решения этого вопроса, на какое надеялось духовенство по отречении от престола Петра III, и что решение его в смысле, предпринятом последним, было вполне в духе времени. Мало этого: на самый

* Сборник ИРИО. Т. VII. С. 98—101.

** Там же. Т. I. Екатерина II — к г-же Жоффрен. С. 282.

протест по этому вопросу Екатерина посмотрела не иначе, как на противодействие светской власти, и в таком именно смысле старалась объяснить, через оракулов общественного мнения Западной Европы, суровость собственного приговора над виновником возникшей борьбы.

Мы видели, как отнеслась Екатерина к просьбе духовенства о возвращении церковных имений; а 16-го июля 1762 г. сенат представил уже доклад по этому делу. В докладе предлагалось: 1) имения духовенству возвратить; 2) собирать со всех крестьян, кроме семигривенного подушного оклада, по рублю, причем 50 коп. должны идти в казну, на содержание инвалидов, и 50 коп. в пользу архиереев, монастырей и т. п.; 3) управление крестьянами вверить не монастырским служкам, а выборным или старостам. Затем Сенат имел общую конференцию с синодом, в которой архиереи объявили, что они довольны первым пунктом и согласны относительно третьего; но против второго некоторые из них, как, напр<имер>, Афанасий, епископ Тверской, сделали замечание, что налог на крестьян будет тягостен, а сбор 50 коп. на монастыри и семинарии недостаточен. Он предлагал возвратиться к решению Синода, состоявшемуся при Елисавете, т. е. чтобы духовенство вносило ежегодно в казну по 300 000 руб., а сбор на архиереев и монастыри был предоставлен их собственному усмотрению. С этим мнением согласились Гедеон псковской и Вениамин петербургский, но Палладий рязанский и Димитрий новгородский (Сеченов) присоединились к мнению Сената. При этом последний предложил учредить комиссию из духовных и светских лиц, которая составила бы штаты для монастырей, архиерейских домов и семинарий*.

Таким образом, дело о церковных имуществах снова затянулось, духовенство оставалось без определенного содержания, обреченное на неверные надежды, а правительство было поставлено в весьма затруднительное положение, которое ясно видно из следующей записки Екатерины к графу А. П. Бестужеву-Рюмину: «Прошу вас, — писала она, — приложенные бумаги рассмотреть и мнение ваше написать; дело в том, комиссию ли учинить ныне, не отдавая деревень духовным, или отдавать ли ныне, а после сделать комиссию. В первой бумаге написано отдавать, а в другой только, чтобы они вступили во владение до комиссии. Пожалуй, помогай советами»**. Следовательно, не напрасно обращался к Бестужеву и сам Арсений, так как эти советы

* Журналы сената (Соловьев. История России // Соч., XXV, 148).

** Сборник ИРИО. Т. VII. С. 135; День. 1862. № 16. С. 3.

клонились в пользу последнего мнения. Спустя четыре дня (12-го августа) уже состоялся именной указ о возвращении движимых и недвижимых мнений духовенству, об устранении от заведования ими коллегии экономии и удалении из церковных вотчин посланных для управления офицеров. Интересны некоторые подробности этого указа:

«Прилагая матернее наше старание о учреждениях и делах, до благополучия империи нашей касающихся, — читаем в нем, — равномерно оное прилагаем и об отрешении нововведенных в бывшее пред сим правление неурядков и бесполезных установлений; из числа тех почитаем мы отнятие из ведомства духовного чина деревень и прочих имений, тем с большим сожалением, что оное учинено без всякого предыдущего порядка и рассмотрения: кажется, надобность состояла именно в том, чтобы отобрать у духовных имения, а чтобы осмотрительные взять меры о порядочном и как для церкви и духовного чина безобидном, так и для отечества полезном управлении, о том и не думано». Но тот же указ соединяет владение вотчинами с обязательным для духовенства употреблением церковных богатств на школы, благотворительные учреждения и другие общественные потребности. Даже самую мысль об отобрании имуществ он связывает с существовавшими злоупотреблениями. «Не имеем мы намерения и желания присваивать себе церковные имения, — читаем далее, — но только имеем данную нам от Бога власть предписывать законы о лучшем их употреблении во славу Божию и пользу отечества. И для того намерены мы в совершенство привести учреждение всего духовного штата сходственно с узаконениями церковными, которым следовал дед наш, император Петр Великий, учредя на то особенную из духовных и светских персон комиссию». В то же время Синоду и Сенату повелевалось все имения отдать снова в управление духовенства, распечатать опечатанные при Петре III деньги и хлеб; уничтожить коллегию экономии, учрежденную для управления имениями; восстановить прежний сбор в пользу духовенства; удалить из вотчин недавно посланных офицеров и вернуть духовенству право распоряжаться вотчинными доходами, согласно с Регламентом и указами, соблюдая, однако, и отчетность в расходах. Что же касается крестьян, то им предписывалось повиноваться духовным властям и нести установленные подати, а в случае их сопротивления Сенату поручалось смирать их, на основании существующих гражданских законов*.

* ПСЗ, XVI, № 11643.

Ясно, что в этом указе заявлялось определенное намерение навсегда отказаться от опасной попытки Петра III и восстановиться, в несколько смягченной форме, порядка времен Петра Великого, а монастырским крестьянам, как это было сделано и относительно помещичьих, также определенно заявлялось намерение преследовать всякое сопротивление существующему порядку. Такое заявление казалось тем необходимее, что в то время уже обнаружилось движение в среде крестьян, недовольных своим положением и ожидавших полного освобождения*. Замечательно, однако, что в царствование Петра III волнения происходили собственно между помещичьими и фабричными крестьянами, а не церковными**, а из дальнейших распоряжений Екатерины II (указ 8 января 1763 г.) можно видеть, что указ 12 августа послужил именно поводом к беспорядкам и в среде церковных крестьян***. Так, 12 декабря 1762 г., сенат читал уже, в присутствии императрицы, донесение, что 8539 душ крестьян не дали подписки в том, что они будут повиноваться монастырским властям; а в одной из своих записок Екатерина прямо говорит, что заводских крестьян в явном возмущении было 49 000 чел., помещичьих же и монастырских до 150 000****, причем из этого числа более 100 000 приходилось на долю последних*****. Монастырские крестьяне отказывались от уплаты рублевого оброка и работы и оказывали полное сопротивление властям, вследствие чего правительство должно было напомнить первым о повиновении, а последним внушить, чтобы они крестьян своих держали в надлежащем порядке и послушании, не взыскивая с них ничего лишнего и не принуждая их ни к каким работам, кроме самых необходимых для экономии**.*.

Переезд двора в Москву (1 сентября 1762 г.) и последовавшее затем торжество коронации отдалили на некоторое время дей-

* Сборник ИРИО. Т. VII. С. 188—196.

** Соловьев. Соч. Т. XXV. С. 22—24.

*** ПСЗ, XVI, № 11730.

**** Соловьев. Соч. Т. XXV. С. 171; Сенат в начале царствования Екатерины II // Древняя и Новая Россия. 1875. Тетрадь первая.

***** Русская старина. Т. XIV. С. 587. Письмо Екатерины к Вольтеру.

** ПСЗ, XVI, № 11730. На основании указа 8 января некоторые полагали, что «духовенству не быть в покое». Заслуживает при этом внимания, отношение к церковному вопросу дворянства. По словам одного корреспондента Арсения, «дворянство необузданное забыло, что умереть, а помнить, что надлежит править и владеть вотчинами не духовенству, а дворянству» (Письмо Ярославцева // Русская старина. 1876. Т. XV. С. 730).

ствия комиссии по устройству церковных имуществ; но зато волнения крестьян вызвали, с одной стороны, необходимость смягчения в прежних распоряжениях, а с другой, несомненно повлияли на мнения самой комиссии, так как в то же время относительно заводских крестьян был поставлен уже вопрос о замене их вольнонаемными людьми *. И сама Екатерина в одной из своих записок говорит, что вследствие учреждения коллегии экономии, в ведение которой были снова переданы монастырские крестьяне, «непослушание их одним разом пресеклось» **; а в письме к Вольтеру, от 11 августа 1765 г., она писала: «люди, подвластные церкви, страдая нередко от жестоких притеснений, к которым еще более способствовали частые перемещения их духовных, возмутились в конце царствования Елисаветы Петровны, и при моем вступлении на престол их было более ста тысяч под ружьем. Вот почему я в 1762 г. выполнила план — совершенно изменить управление именными духовенства и определить доходы лиц этого сословия» ***.

Только в конце ноября (29-го) 1762 г. состоялось учреждение комиссии, которая должна была находиться под непосредственным ведением императрицы. Членами ее были назначены новгородский митрополит Димитрий, с.-петербургский архиепископ Гавриил², переяславский епископ Сильвестр; граф Иван Воронцов³, князь Александр Куракин⁴, князь Сергей Гагарин, обер-прокурор Св. Синода — князь Алексей Козловский⁵ и действительный статский советник Григорий Теплов. В руководство ей были даны: Духовный Регламент и указы Петра Великого, «так как ничего лучшего уже определить нам не возможно», — говорит Екатерина в своей инструкции. Комиссия должна была распределить доходы с церковных имений: 1) на содержание архиерейских домов, монастырей и церквей; 2) на учреждение училищ, и 3) на учреждение инвалидных домов ****. Ближайшими советниками императрицы в этом деле были: тот же граф Бестужев-Рюмин, к которому и она, и противники реформы,

* Сборник ИРИО. Т. VIII. Инструкция Екатерины II князю Вяземскому. С. 188—196.

Впрочем, еще 29 марта 1762 г. последовал указ, чтобы «к фабрикам и заводам деревень с землями и без земель покупать не дозволять, а довольствоваться вольнонаемными по паспортам за договорную плату людьми» (№ 11490).

** Русский архив. 1865. С. 485.

*** Русская старина. Т. XIV. С. 587; Oeuvres de Voltaire / Éd. Berchot. T. LXII. P. 411.

**** ПСЗ, XVI, № 11716.

прибегали за содействием, и князь Я. П. Шаховской, елисаветинский обер-прокурор Синода, который, несмотря, на все покровительство Елисаветы духовенству, не раз вступал в неравную борьбу с членами Синода за права светской власти. Теперь ему поручено было заняться разработкою столь трудного дела. И вот что говорит он по этому поводу: «хотя и похвалюся, но ей! по истине, что еще не было тогда на театре в услугах недавно вступившей на престол нашей монархини кроме меня, ни знатока, ни старателя, о представлении с доказательствами к полезному учреждению оного о церковных имениях, долголетно тянувшегося и от многих происков запутанного дела». Он заявляет, что манифест о монастырских вотчинах составлен на основании его бумаг, «и тот-то есть началом тех с духовных вотчин в государственную сумму доходов, которых, за расходами на духовных персон и на продовольствие нескольких тысяч инвалидных офицеров и солдат, каковым прежде дач не бывало, еще на государственные расходы более миллиона в казну каждый год ныне приходит»*.

В новом акте правительства была уже высказана мысль, что возвращение имуществ духовенству было допущено на время, пока «составляется к лучшему успеху новое и более полезное узаконение». Сославшись далее на права самодержавной власти, Екатерина говорит, что на ней поэтому лежит обязанность заботиться о делах церкви, «чтобы совесть наша не отягчена была сокрушением, когда мы, видя нестроение, оставим оное без исправления». Так, еще со времени Петра Великого, правительство хлопочет о заведении школ для духовенства и народа, но до сих пор, спустя 40 лет, и народ, и духовенство, остаются в прежнем невежестве. Церковное имущество тогда только употребляется целесообразно, когда оно идет на строение церквей, содержание духовенства, устройство благотворительных заведений, но какой великий соблазн бывает, если оно расточается на временные житейские попечения, вопреки своему назначению. Здесь императрица снова выражает намерение следовать Регламенту и указам Петра Великого, и требует привести сведения об имуществе в надлежащий порядок. На этом основании комиссия должна была прежде всего: 1) составить подробные описи всем вотчинным имениям и крестьянам церковных учреждений; 2) собрать сведения о степени плодородия их земель, их расстоянии от больших городов и портовых рек, об их удобст-

* Записки князя Я. П. Шаховского, изданные ред. «Русской старины», с. 192—194.

вах в хозяйственном отношении; 3) составить примерную форму для инструкции вотчинным управителям; 4) по составлении описей положить каждую деревню, сообразно с ее условиями, на оброк или на земледелие; 5) по определении денежных и хлебных доходов церковных учреждений составить для всех их такие штаты, чтобы содержание их было беззачетное и бессоблаженное, и представить штаты на высочайшее учреждение. Далее, комиссии поручалось составить проекты содержания церквей, духовных училищ, число которых предполагалось увеличить, — благотворительных заведений и пенсий, соединенных с орденами. Заведование церковными доходами предполагалось снова поручить духовной экономической коллегии, под дирекцией двух или трех знатных особ. Повторив наконец желание, чтобы церковное имущество употреблялось на пользу благочестия и народа, императрица прибавляет: «ибо мы собственной в том никакой пользы не ищем, и не нам, но имени Божию, служить стараемся» *.

Но, хотя правительство ставило для комиссии в образец порядка Петра Великого, оно допускало и другой исход в решении этого вопроса; так, в той же инструкции мы читаем, что комиссии предоставляется «власть или нашему мнению последовать, или что лучше еще и благоугоднейше к пользе народной придумать». Очевидно, Екатерина находилась в данном случае меж двух огней, будучи вынуждена, с одной стороны, удовлетворить настояниям духовенства, а с другой, принимать в расчет волнение крестьян, недовольных духовным управлением. Поэтому она должна была осторожно идти к той цели, которая так ясно представлялась ей с философской и политической точки зрения; считая же церковные имущества государственными, она должна была и защиту их, в интересах духовной иерархии, представлять не иначе, как стремлением к опасному двоевластию. Впрочем, в тогдашнем Синоде она не могла опасаться серьезной оппозиции. Правда, состав высшей иерархии при Екатерине напоминал еще, до известной степени, прежнее время. В интересах улучшения церковной администрации, Петр Великий стал вызывать на высшие иерархические места людей, воспитывавшихся в южнорусских школах и Киевской академии; но, за исключением Феофана Прокоповича, эти иерархи, начиная с самого блюстителя патриаршего престола, далеко не оправдали надежд Петра. Тем не менее, вследствие традиции и взаимного покровительства, число их в русской церкви значи-

* ПСЗ, XVI, № 11716.

тельно возросло; а расположение к ним Елисаветы Петровны, вследствие ее личных симпатий к малорусскому элементу, дало им господствующее значение в церковном управлении, так что даже понадобился особый указ, разрешавший представлять на высшие духовные должности и великороссов*. Вследствие этого, при вступлении Екатерины II на престол, Синод представляет еще смешанное собрание. Во главе его стоял Димитрий Сеченов, воспротивившийся было при Петре III секуляризации церковных имуществ и чуть не лишившийся за то своего места. После этого он смело поддерживал права Екатерины на престол, удостоился от нее после коронации звания митрополита и 1000 душ крестьян. Таким образом, самолюбие этого иерарха было польщено, и он от сих пор является лицом вполне преданным Екатерине. Несколько позже, в своих письмах к Вольтеру, Екатерина не раз упоминает о нем в самых сочувственных выражениях⁶, заставляя преклоняться пред ним и такого противника духовной иерархии, каким был фернейский философ. «Димитрий митрополит новгородский, — пишет она, — не гонитель и не фанатик**. В предписаниях Алексея нет ни одного правила, которому бы он не верил, которого бы не признал и не стал проповедывать, если б было полезно и нужно: он совершенно отвергает предположение двух властей. Несколько раз подавал он мне примеры, о которых я могла бы сказать вам, и если бы не боялась наскучить, то написала бы их на особом листке. Недавно эта духовная особа доказала еще чувства свои, которые вам известны. Некто перевел книгу и принес к нему; архиепископ советовал не выпускать ее, потому что она содержит правила, утверждающие две власти»***. Затем идут люди, также вышедшие из великорусских училищ, как: Гедеон Криновский (епископ псковской), Гавриил Кременецкий, переведенный Екатериною из Казани в Петербург, на место Вениамина Пуцек-Григоровича, учившегося в Киеве****. Прочие члены,

* Чтение Московского Общества истории. 1861. Кн. III.

Интересный пример борьбы между великорусским и малорусским элементами в это время, даже в среде братии Троицкой лавры, представляет случай, рассказанный в воспоминаниях Снегирева (Русский архив. 1866. С. 534—536).

** Мы знаем, однако, действия Д. Сеченова в нижегородской иерархии.

*** Письма к Вольтеру. С. 13—24.

**** Гедеон любил пожить в свое удовольствие. Будучи еще архимандритом Троицкой лавры, он прославился своею роскошью: его гардероб с шелковыми и бархатными рясами занимал целую комна-

как Крутицкий архиепископ Амвросий Зертис-Каменский, хорошо известный нам по своим отношениям к Арсению; московский митрополит Тимофей Щербатский, родом малоросс, человек престарелый, даже не вполне усвоивший русский язык, и тверской епископ Афанасий Вальховский (родом из Полтавы)⁷, заявивший было в конференции голос в защиту прав духовенства, были люди не опасные, как и член Синода, архимандрит Мисаил^{*8}. Но ученые великороссы усердно выдвигают теперь вперед своих учеников и сторонников, каковы: Иннокентий Нечаев, Гавриил Петров, Платон Левшин⁹, которых Екатерина ставит в пример просвещенных иерархов в своем возражении на книгу аббата Шаппа^{**}.

Некоторые из членов иерархии (Тимофей, Амвросий, Сильвестр) не сочувствовали лично предпринятой реформе, высказывали свои жалобы в переписке, наконец заявляли друг другу о необходимости противодействовать всякому посягательству на их права; но открыто действовать они не решались. Несмотря, однако, на такое отсутствие личной инициативы в среде членов иерархии и опасность в ведении этого дела, которую создавали и правительство, и духовенство, нашлось лицо, которое решилось поднять свой голос в защиту прав церкви и открыто поставить вопрос о их неприкосновенности, опираясь притом в своей защите на прерогативы и значение духовной власти.

То был Арсений Мацеевич.

ту; он носил шелковые чулки и башмаки, бриллиантовые пряжки которые стоили до 10 000 руб. О нем говорили: Гедеон нажил миллион. Однажды во время прогулки он нарочно столкнул в воду известного Платона, тогда еще молодого архимандрита, а потом отдал его двумя лучшими рясами, причем дал ему такой совет: «Никогда не сердись, когда шутит с тобою начальник для испытания твоего характера» (*Снегирев // Русский архив. 1866. С. 536—537*). Находясь при дворе в качестве проповедника, Гедеон вполне сжился с этою сферою. См.: *Знаменский П. В. Чтения из истории русской церкви за время царствования Екатерины II // Православный собеседник. 1875. № 2.*

* Там же. С. 133. Ср. с. 106—121.

** Антидот Екатерины II // XVIII век. Т. IV. С. 332.